

Салтанат Макашева

доктор филологических наук, профессор
(г. Тюмень)

ОНТОЛОГИЯ КРЕАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЗЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ 1920–1930-Х ГОДОВ

Обращение М. И. Цветаевой в тридцатые годы к прозе – в контексте уже четко сформировавшихся персоналистических представлений о мире – было естественным и закономерным: повествовательная составляющая эпического жанра представляла ей возможность воссоздать многомерный характер творческой личности не только в ее сложности, противоречивости, но и в процессе становления. На это обстоятельство указывают исследователи, рассматривающие автобиографическую прозу Цветаевой о детстве не как разрозненные очерки, а как цельное повествование, связанное воедино темой становления поэтической личности. Например, в восприятии И. Шевеленко центральные произведения автобиографической прозы поэта «Мать и музыка» (1934), «Чёрт» (1935), «Мой Пушкин» (1937) – своеобразный триптих о силах, принимавших участие в формировании творческой личности Марины Цветаевой [1; 361].

Безусловно, стержневой идеей «семейной хроники» Цветаевой является идея поэтического творчества как знака судьбы, отсюда избирательный характер воспоминаний в очерках. В эссе «Мать и музыка» дается описание, как формировалось у Цветаевой-девочки сакральное отношение к творчеству. В «Чёрте» развивается повествование о своеобразном приобщении ребенка к древу познания: одиночество, бунт против устоявшихся представлений, отверженность, символизированные образом чёрта, воспринимаются в качестве условий, необходимых для становления личности поэта. В очерке «Мой Пушкин» выражено понимание творчества как стихии свободы, которая является максимой личностного существования поэта: для Цветаевой памятник А. С. Пушкину – «памятник свободе – неволе – стихии – судьбе – и конечной победе гения: Пушкину, восставшему из цепей» [2; т. 5, с. 62].

Идея личностного существования неразрывно связана у Цветаевой с темой творчества и пронизывает содержание ее очерков, она заявлена в названии эссе «Мать и музыка». Авторские размышления в очерке «Чёрт» об индивидуализме поэтического мироощущения перерастают к концу повествования в убеждение о духовном потенциале личности, выявляющемся в процессе творчества. Цветаева специально акцентирует слова священника, высказавшего ей когда-то на исповеди одну из идей, собственно, идею ее персоналистической идеологии: «Прекрасная глыба мрамора лежит, вдавленная в мостовую. Человек заурядный проходит поверху и вдавливая ее еще глубже. Благородное сердце извлекает глыбу из земли, очищает ее и создает изваяние, которое живет вечно. Будьте ваятелем собственной души, маленькая Славянка...» [2; т. 5, с. 56].

В очерках М. Цветаевой «Мать и музыка», «Чёрт», «Мой Пушкин» характеризуется процесс становления прежде всего поэтической личности, поэтому им свойственна определенная тенденциозность в изображении тех или иных сторон жизни в родительском доме. Для автора существенно подчеркнуть те моменты своей прошлой жизни, которые способствовали формированию его персоналистических взглядов на мир. Ведущая роль в процессе формирования творческого самосознания поэтессы в детстве принадлежит тем, кто воплощает личностную идею творчества. Создавая образы родителей как творческих личностей, Цветаева непременно подчеркивает именно эту сторону их жизни-судьбы: каждый из них стремился реализовать себя в творчестве. Этим объяснима и смысловая идентичность названий эссе «Мать и музыка» и «Отец и его музей». Названия отражают пратворческое начало, которое Цветаева связывает с обоими родителями: если в очерке «Мать и музыка» речь идет об участии матери в процессе формирования лирического самосознания поэтессы, то в эссе, посвященных отцу, основное внимание уделено творческой деятельности И. В. Цветаева по созданию музея. Именно эта сторона деятельности отца, считает Цветаева, сформировала ее представления о духовном строе и образе жизни творческой личности, которыми она впоследствии руководствовалась в своей жизни.

В очерке 1936 года «Отец и его музей» Цветаева отмечает аскетизм и отрешенность отца как «скудость» личности, занятой творчеством и осознающей, что «любая трата – прежде всего трата времени». Цветаева специально подчеркивает, что речь идет о «скудости каждого, живущего духовной жизнью и которому просто ничего не нужно. (Отрешенность Льва Толстого от всех благ земных была не «фантазией», а потребностью, ибо писателю куда сложнее управлять имуществом, чем раздавать его. Ибо обыкновенный некрашенный стол нужнее полированного письменного, со множеством ящиков, наполненных лишними вещами, захламляющих в первую очередь голову. Приверженность Вагнера к роскошным декорациям жизни всегда была для меня загадкой большей, чем его гений.)). Акцентуация смысла творческой деятельности отца Цветаевой выполнена в присущей ей манере – педалировать духовный вектор бытия личности, выбравшей для себя *суть*, а не форму жизнедеятельности: «Скудость аскета, которому *все* лишнее для себя – тела и *всего* слишком мало для себя – духа; аскета, сделавшего выбор между вещью и сущью» [2; т. 5, с. 175]. (Курсив автора. – С. М.)

Таким образом, автобиографические очерки Цветаевой – признание в том, что родители сформировали в ней основу личности – представление о творческой деятельности как основополагающей цели жизни. Мать, заметившая в ребенке недюжинные музыкальные способности, внушала дочери мысль, что она «ни при чем»: слух – от Бога. Запечатлевшаяся в памяти фраза матери – одна из цветаевских формул персоналистической творческой идеологии: «Твое – только старание, потому что каждый Божий дар можно загубить». Отец сформировал представление о сакральности творческого процесса, о «скудости в превосходной степени», то есть об аскетизме и отрешенности человека, посвятившего себя творчеству. Понимание, что призвание человека заключается в необходимости повседневного служения своему дару, было заложено в ней матерью и отцом, подчеркивает М. И. Цветаева, на архетипическом уровне: «Разъяснять ребенку ничего не нужно, ребенка нужно – заклясть. И чем темнее слова заклатья – тем глубже они в ребенка вырастают, тем непреложнее в нем действуют...» Понимание ценности своего дара творчества приходит позже, но оно уже входит в жизнь человека как не навязанное кем-то извне, а как естественное, свойственное его органике качество: «И если я этого своего слуха не загубила, не только сама не

загубила, но и жизни не дала загубить и забыть (а как старалась!), я этим опять-таки обязана матери» [2; т. 5, с. 11].

В представлениях Цветаевой только личность в состоянии выявить и реализовать подлинный смысл творчества. При этом речь идет о личности свободной, самобытной и уникальной, не детерминированной обстоятельствами, способной творить собственную судьбу и «историю». В этом смысле примечательна финальная сцена очерка «Открытие музея», где Цветаева пишет о З. Волконской (натуре даровитой но не обладающей тем потенциалом личности, благодаря которому сыну бедного священника удалось осуществить ее заветную мечту о русском музее): «Думала ли красавица, меценатка, европейски-известная умница, воспетая поэтами и прославленная художниками, княгиня Зинаида Волконская, что ее мечту о русском музее скульптуры суждено будет унаследовать сыну бедного сельского священника, который до двенадцати лет и сапогов-то не видал...» [2; т. 5, с. 169]. Лишь человек, способный к самосозиданию, обладающий внутренней силой и мощной волей к творчеству (данные качества ассоциируются у Цветаевой с трудом каторжника; отсюда сакрализация повседневного поэтического труда, намеченная еще в «Ремесле»), может понять свое высокое духовное призвание и реализовать его. Зинаида Волконская, обладая массой блестящих качеств, была лишена главного – умения бескорыстно и жертвенно служить творческому призванию, предполагающему, в первую очередь, подвижничество и самоотдачу труженика. Она не обладала теми качествами, которые позволили отцу поэтессы И. В. Цветаеву стать «основателем, вдохновителем и единоличным собирателем первого в России музея изящных искусств» [2; т. 4, с. 621].

В анкете 1926 года М. И. Цветаева называет отца *Героем труда*, рассматривая труженичество как качество, необходимое для самореализации человеком личностного творческого потенциала. Личность, считает Цветаева, осуществляет себя творчески через волевое действие, нацеленное на преобразующую мир созидательную деятельность. Созидательную же деятельность Цветаева в 1930-х годах определяет как *подвиг труда*. В этом смысле показателен следующий эпизод из очерка «Отец и его музей».

Л. А. Тамбурер, друг семьи, поздравляет И. В. Цветаева ранним утром с днем открытия музея: «Я так рано, потому что хотела первой поздравить вас с этим великим днем, самым прекрасным днем вашей жизни – и моей тоже. Да, и моей. В которой мне никогда ничего не дано было *создать*. Мне не было дано этого счастья. Поэтому я вас так и полюбила. Сразу полюбила. И буду любить – до последнего вздоха. За то, что вы – *созидатель*. Вот именно – *созидатель*. Я должна была первой поблагодарить вас за *подвиг вашей жизни*, за *подвиг вашего труда*» [2; т. 5, с. 179]. (Выделено мной. – С. М.) М. И. Цветаева курсивом и повторами выделяет ключевые однокоренные слова *создать*, *созидатель*, означающие в контексте фрагмента и изображенной сцены дар творчества, сопряженный с «подвигом труда». Она не разделяет эти понятия, полагая, что два слагаемых («вдохновение + воловий труд») являются органичными составляющими креативной личности [2; т. 4, с. 17].

Подвиг труда наряду с *избранничеством*, *волей*, *даром творчества* и равноценным ему *даром личности* – несколько центральных понятий персонализма М. И. Цветаевой, к формированию содержания которых она обратилась ранее – в связи с определением черт творческой личности В. Я. Брюсова. В трактовке личности В. Брюсова Цветаева утверждает, что у него не было данных стать поэтом – тем не менее он поэтом стал. Существенна оговорка Цветаевой: «...но не Божьей милостью». По мнению автора эссе, Брюсов стал поэтом благодаря своей воле, невероятной трудоспособности и эгоцентризму, который был самой органичной

чертой его богатой и противоречивой натуры. Три особенности, по Цветаевой, составляют стержень личности Брюсова: «Три слова являют нам Брюсова: воля, вол, волк. Триединство не только звуковое – смысловое: и воля – Рим, и вол – Рим, и волк – Рим. Трижды римлянином был Валерий Брюсов: волей и волком в поэзии, волком (*homo homini lupus est*) в жизни» [2; т. 4, с. 20].

Цветаева называет Брюсова «римлянином» не только для того, чтобы указать на особый характер его приверженности к античному Риму, культура которого была заимствованной и «сделанной», как и лишенная естественной органики поэзия Брюсова. Стремление к рационализму, упорядоченности, культ твердой, непреклонной воли, цезаризм и беспрецедентная экспансия по отношению к чужой культуре, вплоть до присвоения пантеона греческих богов, характеризующие историю становления Римской империи, как нельзя лучше отвечали волевому началу личности Брюсова, объясняя его тяготение к неоклассицизму. Эти качества позволили Брюсову стать стихотворцем, но что гораздо важнее, считает Цветаева, стать «творцом творца в себе» [2; т. 4, с. 16]. Именно это обстоятельство представляется Цветаевой важным в личности В. Брюсова. «Вдохновение + воловий труд, вот поэт, воловий труд + воловий труд, вот Брюсов: вол, везущий воз. Этот вол не лишен величия», – резюмирует Цветаева [2; т. 4, с. 17].

Величие Брюсова Цветаева видит в мощном сопротивлении участи нетворческого существования человека, дерзнувшему стать «творцом творца в себе» [2; т. 4, с. 16]. Его стремление стать не археологом или математиком, а поэтом – человеком, которому открыт мир трансцендентного, Цветаева рассматривает как «преодоление невозможного», как подвиг «самоборства». Именно это выдающееся свойство личности В. Брюсова она озвучивает в названии эссе «Герой труда», инициируя постановку проблемы труда-необходимости и труда-творчества. Пафос героизма В. Брюсова Цветаева находит в том, что ему удалось превратить «труд-проклятие», нивелирующий и обезличивающий человека (в концепции эссе смысл божественного наказания заключается в лишении человека творческой его сущности, в низведении его жизни к детерминированному, биологическому типу существования), в труд, нацеленный на созидание личностной творческой основы в себе. В этом смысле труд обретает онтологический статус, превращается в необходимое условие становления креативной личности, которая не мыслима как без дара творчества, так и без дара труда.

Таким образом, смысло- и структурообразующим принципом автобиографической прозы Цветаевой является категория творческой личности. В ее самости и креативности М. И. Цветаева видит источник бытия. По существу, Цветаева погружает человека, наделенного даром творчества, в средоточие бытия, за которое он несет персональную ответственность, что обусловило появление в ее прозе качественно нового измерения личности, охарактеризованного в эссе «Наталья Гончарова»: «Вся Гончарова в двух словах: дар и труд. Дар труда. Труд дара» [2; т. 4, с. 129].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.
2. Цветаева М. Сочинения: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994–1995.

